

Фукс Эдуард

История нравов Эдуард Фукс

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э27

Э27 **Эдуард Ф.**
История нравов Эдуард Фукс: Том 1 / Фукс Эдуард – М.: Книга по Требованию, 2023. –
406 с.

ISBN 978-5-521-28776-5

ISBN 978-5-521-28776-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Происхождение и сущность нравственности.

Основаніемъ всей нашей культуры со всѣми ея излученіями и всѣми ея завоеваніями является институтъ частной собственности. Все выстраивается на частной собственности, все связано съ ней, возвышеннѣйшее проявленіе человѣческаго духа равно, какъ и низменные, мелочныя стороны будничной жизни. Интересы частной собственности обусловили и создали также основную форму половой морали, а именно моногамію, единобрачіе.

Не только прежде, но еще и теперь единобрачіе считается плодомъ индивидуальной половой любви. Это грубѣйшая ошибка, ибо единобрачіе ни въ принципѣ, ни въ смыслѣ цѣли, которой оно должно было служить и которой оно на самомъ дѣлѣ и служить, никогда ничего общаго съ ней не имѣло. Сдѣлать индивидуальную любовь своимъ базисомъ, таковъ въ лучшемъ случаѣ тотъ идеаль, къ которому единобрачіе стремится, въ качествѣ извѣстнаго учрежденія. Но единобрачіе не было созданіемъ индивидуальной любви, да осуществило этотъ идеаль лишь временно, въ томъ или другомъ классѣ. Моногамія выросла изъ совсѣмъ другихъ культурныхъ факторовъ и потребностей. Какъ это исчерпывающимъ образомъ доказалъ Льюисъ Г. Морганъ въ своей эволюціи семьи, единобрачіе было послѣдствіемъ концентраціи значительныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ, — и притомъ въ рукахъ мужчины — и желанія передать эти богатства дѣтямъ именно этого и никакого другого мужчины. Женщина должна была стать матерью дѣтей, относительно которыхъ отецъ могъ быть убѣ-

жданъ, что именно онъ ихъ произвелъ. Греки, у которыхъ единобрачіе впервые получило свое развитіе, откровенно и видѣли въ этомъ его исключительную цѣль. Необходимо уже здѣсь подчеркнуть, что въ единобрачіи не слѣдуетъ видѣть результатъ примиренія мужчины и женщины, а еще менѣе высшую форму брака, а, какъ потомъ будетъ выяснено «провозглашеніе полового антагонизма, совершенно неизвѣстнаго доисторическому человѣчеству».

Таковы основанія и цѣль единобрачія. Внутренняя логика этой формы полового общенія сводится къ слѣдующему требованію: половыя сношенія должны ограничиться сношеніями между однимъ мужчиной и одной женщиной, между одной женщиной и однимъ мужчиной и притомъ исключительно въ рамкахъ соединяющаго ихъ брака. Таково было бы логическое требованіе, предъявляемое къ человѣку институтомъ единобрачія.

Несомнѣнно, официально такой законъ и выставлялся, но его суровая неизыблемость всегда была обязательна только для женщины, для мужчины онъ во всѣ времена имѣлъ въ лучшемъ случаѣ лишь офиціозное значеніе.

Странная и явная двойственность. Но это только мнимое противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ, какъ нетрудно увидѣть, это не непримиримое противорѣчіе, а «естественный порядокъ вещей». Родившись не изъ индивидуальной половой любви, покоясь на условности, единобрачіе представляетъ такую форму семьи, которая основана не на естественныхъ, а на экономическихъ условіяхъ. Такъ какъ этими экономическими предпосылками являлись—и еще теперь являются—хозяйственные интересы мужчины, то они должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ принципиальное порабощеніе одного пола другимъ, а именно господство въ бракѣ мужчины и неразрывно съ нимъ связанное угнетеніе женщины. Происхожденіе частной собственности требовало только единобрачія женщины, какъ средства получить законныхъ наслѣдниковъ. А открытой или скрытой полигаміи мужчинъ ничто рѣшительно не препятствовало. Такъ какъ въ бракѣ мужчина представляетъ собой господствующій классъ, а женщина—угнетенный и эксплуа-

тируемый, то мужчина всегда был единственным законодателем, издававшим законы в своих собственных интересах. Почти всегда строго требуя от женщины целомудрия, почти всегда объявляя невірность женщины величайшим преступлением, онъ въ то же время всегда ставил своимъ собственнымъ вожделѣніямъ лишь самыя примитивныя преграды. Все это не болѣе и не менѣе, какъ внутренняя необходимость явленія и поэтому «естественный порядокъ вещей». Изъ этого противорѣчія однако выросло нѣчто, что не входило въ планы людей, что также сдѣлалось «естественнымъ порядкомъ вещей»: мечь со стороны изнасилованной природы. Эта мечь природы обнаруживается въ двухъ неизбѣжныхъ и неотдѣлимыхъ отъ нашей культуры учрежденіяхъ. Это — адюльтеръ и проституція, какъ два неизбѣжныхъ социальныхъ института.

Рабъ всегда мститъ тѣмъ орудіемъ, которымъ онъ былъ побѣжденъ и поработченъ. На всѣхъ языкахъ, въ тысячѣ разнообразныхъ формъ и формулъ законъ устами государства, церкви и общества толковалъ женщинѣ въ продолженіи всей ея жизни, что кромѣ мужа никто другой не долженъ раздѣлять ея ложе и касаться ея тѣла. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ женщина мстила тѣмъ, что и другіе мужчины раздѣляли ея ложе и обладали ея тѣломъ и что единственнымъ точнымъ доказательствомъ отцовства можетъ служить одно только моральное убѣжденіе мужчины. И это несмотря на социальную опалу въ случаѣ разоблаченія обмана, несмотря на суровыя и подчасъ варварскія наказанія, всегда угрожавшія мести женщины. Эту жажду мести ничѣмъ нельзя искоренить, потому что, пока бракъ основанъ на условностяхъ, онъ по существу своему противоестественъ. Тоже самое примѣнимо и къ проституціи, этому суррогату брака. Никакой законъ не былъ въ силахъ уничтожить ее, никакое варварское обращеніе не ставило ея жрицъ ни на одинъ день внѣ общественнаго союза. Въ худшемъ случаѣ проституція приходилось иногда прятаться и она пряталась въ самомъ дѣлѣ, хотя всѣ заинтересованные и находили дорогу къ ея логовищу. Это ея

неискоренимость совершенно логична. Частная собственность, по-
каясь на экономическомъ развитіи въ сторону торговли, присвоила
всему товарный характеръ, свела всѣ вещи къ ихъ денежной стои-
мости. Любовь стала такимъ же предметомъ торговли, какъ платье.
Вотъ почему большинство браговъ носить характеръ торговой
сдѣлки, а проституція — это любовь за задѣльную плату, какъ
цивики грубо, но довольно мѣтко называли ее въ отличіе отъ брака,
этой оплаты гуртомъ, — неотдѣлима отъ единобрачія, которое по-
стоянно снова вызываетъ ее къ жизни, сколько бы его апологеты
ни осуждали ее, такъ какъ она въ концѣ концовъ все же пред-
ставляетъ тотъ громоотводъ, въ которомъ моногамія нуждается,
чтобы хотя нѣкоторымъ образомъ обезпечить свою цѣль, заклю-
чающуюся въ законныхъ наслѣдникахъ. Словомъ, съ какой бы
стороны мы ни подошли къ вопросу, какъ ни печально признаться
въ этомъ: прелюбодѣяніе и проституція являются неизбѣжными
соціальными явленіями: постоянный любовникъ жены, мужъ — ро-
гоносецъ и проститутка — неизмѣнные соціальные типы. Другими
словами: «таковъ естественный порядокъ вещей».

При поверхностномъ взглядѣ намъ могутъ возразить. Предпо-
ложимъ это такъ. Но изъ этого только слѣдуетъ, что во-первыхъ,
такъ всегда было и во-вторыхъ, такъ всегда и останется, пока
будетъ существовать міръ. Это не болѣе какъ, прирожденная
людямъ порочность и грѣховность. Эти слова не произвольно нами
придуманное возраженіе, а на самомъ дѣлѣ господствующее сте-
реотипное воззрѣніе, съ которымъ встрѣчаешься на каждомъ шагу.

Подобныя суммарныя утвержденія настолько же дешевы, по-
скольку и невѣрны. Будетъ ли такое состояніе вѣчнымъ, въ дан-
номъ случаѣ вопросъ второстепенный. Во всякомъ случаѣ онъ
лишь логическое послѣдствіе, вытекающее изъ отвѣта на вопросъ,
въ самомъ ли дѣлѣ такъ всегда было. Этимъ послѣднимъ вопро-
сомъ мы и займемся сначала, на него мы постараемся отвѣтить,
чтобы лишь потомъ обратиться къ первому вопросу и обосновать
его возможные послѣдствія.

Разумѣется, «такъ» было всегда. Но если присмотрѣться поближе къ этому порядку вещей, то въ его предѣлахъ нетрудно подмѣтить самыя разительныя отличія, увидѣть, что постоянное все же вѣчно мѣнялось. Отличія эти касаются при томъ не только общепризнанныхъ нравовъ. Обнаруживаются особенности, различія, повышенія и пониженія также и въ общихъ уклоненіяхъ отъ основнаго закона обусловленной единобрачіемъ половой морали въ такой массѣ и съ такимъ единообразіемъ, что изъ нихъ создается типическая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ картина эпохи, рѣзко отличающаяся отъ всякихъ другихъ.

Такъ какъ этотъ фактъ является какъ разъ исходной точкой систематической исторіи нравовъ, то мы начнемъ съ того, что приведемъ рядъ характерныхъ примѣровъ изъ различныхъ главныхъ областей половой морали для иллюстраціи нашего положенія. Примѣры эти будутъ касаться, стало-быть, различной оцѣнки, дававшейся взаимной супружеской вѣрности, добрачному цѣломудрію женщины, проститутціи, главнѣйшимъ понятіямъ приличія и т. д. Само собой понятно, что это можно сдѣлать здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въдѣ все наше изслѣдованіе въ отдѣльныхъ его главахъ представить подробный комментарий къ этимъ примѣрамъ.

Что касается различной оцѣнки, дававшейся супружеской вѣрности, то можно сказать слѣдующее. Въ нѣкоторыя эпохи и въ нѣкоторыхъ классахъ общества высшее основное требованіе единобрачія, вѣрность обоимъ супругамъ, сравнительно побѣдоносно торжествовало и серьезнѣйшимъ образомъ осуществлялось. Наряду съ такими эпохами и классами мы имѣемъ другіе, въ которыхъ это основное требованіе половой морали совершенно игнорировалось большой массой и за замужней женщиной признавалось право открыто имѣть многихъ мужей, какъ за мужчиной право имѣть многихъ женъ. Если иногда считалось, что мужъ и жена, если и не публично, то по крайней мѣрѣ передъ своей совѣстью уже совершили прелюбодѣяніе, измѣнивъ другъ другу лишь мысленно, если иногда жена уже громко обвинялась въ невѣрности, если

удостоила посторонняго мужчину нѣсколькихъ словъ, то въ другія времена женщины (даже той, которая носила на себѣ поясъ дѣвственности) разрѣшалось позволять ухаживателю самые смѣлые жесты, даже поощрять его къ нимъ, не нарушая тѣмъ супружеской вѣрности, ибо послѣдняя ограничивалась самымъ половымъ актомъ. Бывали времена, когда мужъ былъ самымъ усерднымъ сводникомъ, ежедневно продававшимъ свою жену, а замужняя женщина являлась самой ловкой и дѣловитой проституткой, устраивавшей на своемъ супружескомъ ложѣ карьеру мужа, обезвреживавшей его конкурентовъ, выигрывавшей его процессы, удешевлявшей его состояніе и т. д. Рядомъ съ эпохами и классами, считавшими бракъ по любви высшимъ идеаломъ, стоятъ такіе, которые не считали любовь необходимой предпосылкой брака, которые были склонны видѣть въ любви даже нѣчто несомнѣстимое съ бракомъ, которые смотрѣли на выборъ жены откровенно съ точки зрѣнія простого расчета или простого производства дѣтей. Древніе греки напр., всегда видѣли въ бракъ такую и только такую условность. Вотъ почему женщина у нихъ должна была стать предварительно гетерой, чтобы имѣть право быть подругой. Одни эпохи и классы превращаютъ женщину въ домашнее вьючное животное, дѣлаютъ изъ нея пожизненную домашнюю рабыню или терпѣливую машину для дѣтопроизводства, лишенную личной воли. Другіе времена и классы видятъ въ ней избалованный предметъ роскоши, любой капризъ которой становится закономъ, или утонченное орудіе наслажденія, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы доставлять мужу всѣ тѣ удовольствія, которыми ея предшественницы, всевозможныя любовницы, радовали и приковывали его къ себѣ. Наконецъ, есть и такіе эпохи и классы, въ которыхъ мужъ и жена становятся двумя вѣрными товарищами, рука объ руку поднимающимися вверхъ по крутымъ тропинкамъ жизни навстрѣчу ея болѣе высокимъ цѣлямъ.

Такое же приблизительно разнообразіе находимъ мы и въ принципиальной оцѣнкѣ женскаго цѣломудрія. Лицомъ къ лицу съ классами и эпохами, придававшими дѣвственности огромное зна-

ченіе, стоятъ такіе, которые не только не прославляли, а почти даже порицали невѣсту, если она въ брачную ночь оказывалась еще нетронутой. Единственный выводъ, который отсюда дѣлался, гласилъ, что, очевидно, раньше никто не пожелалъ ея обладать, а это понижало цѣнность дѣвушки, тогда какъ порой незаконныя дѣти напротивъ повышали ея цѣнность. Если съ одной стороны нѣкоторые эпохи и классы считаютъ для дѣвушки позоромъ, если ее хоть разъ видѣли въ сопровожденіи мужчины или если она появилась въ публичномъ мѣстѣ безъ родителей, то другіе позволяли молодой дѣвушкѣ, достигшей половой зрѣлости, принимать въ своей спальнѣ въ продолженіи цѣлыхъ лѣтъ по ночамъ своего возлюбленнаго (пробныя ночи, *Kommnaschete*). И притомъ замѣтьте—не только одного. Безъ всякаго вреда для своей репутаціи она имѣетъ право отставить одного возлюбленнаго и отдать его мѣсто другому, третьему, четвертому, если ея ожиданія и требованія не нашли надлежащаго удовлетворенія. Ни ея доброе имя, ни ея супружеское счастье не терпятъ никакого ущерба отъ того, что она въ продолженіи мѣсяцевъ давала каждому изъ своихъ любовниковъ возможность доказать, обладаетъ ли онъ тѣми качествами, которыхъ она требуетъ отъ будущаго мужа. То же самое воззрѣніе разрѣшало достигшему половой зрѣлости парню удостовѣриться именно этимъ путемъ въ физическихъ достоинствахъ выбравшей его дѣвушки, предоставляло ему право рѣшить въ зависимости отъ этого опыта, намѣренъ ли онъ вступить съ ней въ бракъ или нѣтъ. Онъ также имѣлъ право провести нѣсколько пробныхъ ночей у цѣлаго ряда дѣвушекъ и то обстоятельство, что эти пробныя ночи не исключали половыхъ отношеній, не связывало его вовсе съ данной дѣвушкой. Нѣкоторые романтики усмотрѣли въ этихъ обычаяхъ нѣчто безусловно идальское. Это несомнѣнно такъ, если только видѣть въ нихъ базисъ здоровой индивидуальной половой любви, а не то, что въ нихъ хотѣли найти эти романтики, а именно чисто духовное и душевное общеніе половъ. Для парня и дѣвушки половой актъ былъ единственной цѣлью, несмотря на препятствія, которые разно-

образныя подробности этого обычая создавали для парня. Противоположный взглядъ не логиченъ, если принять во вниманіе первобытную жизненную философію крестьянства.

Не менѣе принципиально различно и официальное положеніе въ общественной жизни проституціи. Жрица продажной любви иногда запырлась въ самые темные углы, клеймилась всеобщей ненавистью и презрѣніемъ, на нее смотрѣли, какъ на прокаженную, одно дыханіе которой будто бы способно заразить все окружающее и обратить въ бѣгство всѣхъ «порядочныхъ» людей. И только тайкомъ, обходными путями, могли еѣ ней пробираться тѣ, кто жаждалъ любви. Но бывали и такія эпохи, когда ее провозглашали лучшимъ украшеніемъ праздниковъ жизни. У грековъ культъ женщины сосредоточивался въ гетерѣ. Она — подруга мужчины, съ которой онъ ведетъ философскія бесѣды, которую онъ окружаетъ роскошью и блескомъ, дружба и благосклонность которой доставляетъ ему честь, красотѣ которой весь народъ оказываетъ божескія почести, тогда какъ жена ощущалась какъ неизбѣжно и неудобное ярмо, и была обязана терпѣливо проживать свой вѣкъ въ уединенномъ гинекеѣ, никому не показываясь на глаза, скромно удовольствуясь остатками чувствъ мужа. Нѣчто похожее повторяется въ эпоху Ренессанса. Правда, проститутка уже не провозглашается богиней, но и тогда куртизанка часто является въ качествѣ подруги и украшенія публичныхъ праздниковъ и увеселеній. Когда городъ навѣщалъ какой нибудь высокій гость, то красивѣйшія куртизанки даже раздѣвались и встрѣчали князя въ обнаженномъ видѣ у городской черты, какъ лучшее наслажденіе для его глазъ. Эпоха абсолютизма возводитъ куртизанку на престолъ и ея любовныя ухищренія и ея кокетство превращаютъ любой ея капризъ въ высшій законъ для общества и государства. Народъ обязанъ оказывать фавориткѣ абсолютнаго государя высшія почести и гнуть передъ ней шею, хотя бы она только что поднялась изъ грязи болотъ и низинъ...

Ограничимся пока этими немногими, грубо обрисованными, примѣрами типическихъ различій въ отношенія различныхъ эпохъ къ

основнымъ вопросамъ половой морали, хотя ихъ легко можно было бы удешевить. Къ нимъ необходимо присоединить еще гораздо большее количество примѣровъ, касающихся второстепенныхъ пунктовъ половой морали. Здѣсь различія бросаются въ глаза еще рѣзче. Достаточно вспомнить о видоизмѣненіяхъ языка, моды, чувства стыдливости, воспитанія, искусства, нравственности въ правѣ и т. д. Мы ограничимся и въ этой области самыми характерными доказательствами этой измѣнчивости и вѣчной измѣняемости, фактами, которые каждый легко самъ можетъ проконтролировать, такъ какъ весь нашъ трудъ представить цѣлостный постоянный комментарий къ этимъ положеніямъ.

О различныхъ взглядахъ на главнѣйшія темы разговора между мужчинами съ одной стороны, и мужчинами и женщинами съ другой, достаточно будетъ сказать слѣдующее.

Бывали эпохи, когда господствующая мораль разрѣшала мужчинамъ чаще всего публично вести бесѣду на тему о грубыхъ любовныхъ приключеніяхъ, о недвусмысленныхъ и откровенныхъ похищеніяхъ, или пережитыхъ или слышанныхъ отъ другихъ, о необычайныхъ побѣдахъ и пораженіяхъ въ состязаніяхъ Венеры. Достаточно указать на приблизительно триста Фавстъ Поджо (1380—1459), почти исключительно трактующихъ о такихъ темахъ, представлявшихъ главный матеріалъ бесѣдъ епископовъ и кардиналовъ при дворѣ папы Мартина V, специально для этой цѣли собиравшихся каждый день въ опредѣленномъ мѣстѣ папскаго дворца. Даже сами папы, бывшіе въ первую голову героями этихъ эротическихъ шутокъ, часто участвовали въ подобныхъ бесѣдахъ. Далѣе, бывали эпохи, когда господствующая мораль открывала и женщинамъ доступъ къ такимъ бесѣдамъ, во время которыхъ самыя естественныя вещи назывались своими именами. Нѣмецкія масляничныя пьесы XIV и XV вв., производящія на насъ впечатлѣніе чрезмѣрной непристойности, являлись не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Женщины не только допускались, какъ слушательницы, къ такимъ бесѣдамъ, онѣ сами спокойно могли въ нихъ участвовать и выбирать темой для своихъ шутокъ и раз-

сказовъ самыя интимныя вещи. Онѣ имѣли право вмѣшиваться въ обсужденіе техники искусства соблазнять, дѣлиться своимъ опытомъ въ дѣлѣ любви и т. д. Достаточно вспомнить новеллы Боккаччіо, сто новеллъ жизнерадостной королевы Наварской и другіе аналогичные документы. Далѣе, бывали эпохи, когда женщина придворныхъ круговъ могла присутствовать при спектакляхъ, единственной темой которыхъ были эротическія оргіи. Примѣрами могутъ служить публичныя представленія любовныхъ сценъ обнаженными красавицами-куртизанками и обнаженными геркулесовскаго сложенія мужчинами... Какъ примѣръ аналогичныхъ простонародныхъ увеселеній можно привести шутовскіе и ослиные праздники, въ которыхъ фаллическій маскарадъ и фаллическія остроты играли главную роль.

Въ иныхъ времена мужчины и женщины имѣли право во время ухаживанія пользоваться самыми откровенными словами и сравненіями. Въ другія эпохи (напр. въ концѣ XVII в., а въ Германіи въ эпоху, представленную въ литературѣ силезской школой) беседа свѣтскаго общества состояла изъ непрерывной цѣпи болѣе или менѣе замаскированной порнографіи. Каждое слово, каждая фраза имѣли свой скрытый порнографическій смыслъ и тѣмъ богаче контрастами былъ смыслъ того или другого слова, тѣмъ восторженнѣе ему аплодировали и тѣмъ восторженнѣе его переносили изъ салона въ салонъ, особенно если удавалось самымъ невиннымъ образомъ выразить самое циническое представленіе. Въ этой области свѣтское общество XVII в. и второй имперіи достигло изумительной виртуозности. Высшимъ идеаломъ указанныхъ эпохъ была женщина, употреблявшая въ разговорѣ съ особеннымъ предпочтеніемъ всякія двусмысленности и въ глазахъ общества ея свѣтское значеніе росло въ прямой зависимости отъ ея фривольности, отъ ея способности пикантно произнести самое грубо-циническое выраженіе.

А рядомъ съ такими эпохами и классами стоятъ другія, подвергавшіе опалѣ каждого мужчину, который осмѣлился бы произнести въ обществѣ непристойное выраженіе и предписывавшіе женщинамъ